

Часть III

ГОСУДАРСТВО В МИРЕ БЕЗ ГРАНИЦ: НОВЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ?

Маркус Кайзер
Ольга Бредникова

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ И ТРАНСЛОКАЛЬНОСТЬ (КОММЕНТАРИИ К ТЕРМИНОЛОГИИ)

Цель данной работы – познакомить российского читателя с концепциями транснационализма и транслокальности, которые еще не стали объектом внимания российских издателей, однако являются достаточно популярными в современной западной социологической дискуссии. Совершенно очевидно, что термины «глобализация» (Giddens, 1990; Robertson 1992, 1995 и другие), «детерриториализация» (Featherstone 1995), «транслокальность» (Appadurai 1995), «транснационализм» (Glick Schiller, Bash, Blanc-Szanton 1992) или «транснациональное социальное пространство» (Pries 1996) имеют некоторые общие импликации и связаны один с другим, в то же время они используются в различных исследовательских контекстах и относятся к разным социальным феноменам. Мы посчитали важным представить спектр разнообразных подходов к осмыслению таких феноменов. Наш интерес к этим теоретическим схемам связан, прежде всего, с желанием разъяснить некоторые категории из арсенала недавних дебатов и уточнить их смысловое наполнение, ибо достаточно вольное и зачастую противоречивое обращение с категориями может привести к их обесценению как инструмента социологического (антропологического) описания и анализа¹. В заключение мы попытались рассмотреть следствия и возможные перспективы развития социальных теорий и исследований в рамках обсуждаемых здесь концепций².

Транснационализм / транснациональность Термин «транснационализм» вошел в словарь социальных исследователей с семидесятых годов прошлого столетия. Его появление связано, прежде всего, с трансформациями в экономической сфере, где начали доминировать крупные международные компании – транснациональные корпорации и банки. Так, Саския Сассен исследует глобальные города, являющиеся сосредоточием международных сетей институтов (например банков и юридических фирм) и людей (например международных экспертов), и обращается к термину «транснациональность» прежде всего для того, чтобы акцентировать пространственное измерение и масштаб экономических, социальных и политических процессов и связей в условиях глобализации (Sassen 1991).

Позднее термин «транснационализм» переключивается в область исследований миграций. В классических миграционных исследованиях сообщества рассматриваются только в неразрывной связи с «местом», то есть они, по мнению исследователей, обязательно где-либо локализованы. Связь с «местом» осуществляется посредством особой локальной культуры. Таким образом, чтобы стать частью принимающего сообщества, мигранты должны приспособливаться или ассимилироваться в местную культуру. В начале 1990-х годов Нина Глик Шиллер и другие исследователи (Glick Schiller & others 1992) подвергли сомнению этот тезис и предложили понятия «трансмигранты» (transmigrants) и «транснационализм» (transnationalism) как базовые для новой парадигмы в исследованиях международной миграции. В рамках этой парадигмы транснационализм определяется как *«социальный процесс, в котором*

¹ Как это произошло, по мнению Р. Брубейкера и Ф. Купера с категорией «идентичность» (Брубейкер, Купер 2000/2002).

² Необходимо предварительное замечание, касающееся перевода терминов. Данная статья – одна из первых попыток представления перечисленных выше концепций на русском языке. Перевод некоторых терминов в российской социологии еще не стал конвенциональным. В этой ситуации возможно либо создать прецедент и попытаться перевести термин, либо транслитерировать его, сделать простую «кальку» (хотя и тут существуют определенные проблемы, достаточно вспомнить, как сложно в российской социологии приживается термин Пьера Бурдьё, именуемый то *хабитусом*, то *габитусом*). Мы попытались подобрать более или менее адекватный, подходящий перевод, что, впрочем, было сделать достаточно сложно, ибо новые концепции всегда нуждаются в «новом языке», и их авторы зачастую занимаются словообразованием. При этом мы сочли необходимым сопровождать свой перевод английским оригиналом, оставляя за читателем право «по-своему» прочитать тот или иной термин.

мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы». Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы» (Glick Schiller & others. 1992: ix). Трансмигранты живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со)общество, они производят новые взаимозависимости и конституируют сообщества, особым образом связанные с существующими национальными государствами и их территориями (см. например работы Rouse 1996, Gutiérrez 1995). В качестве трансмигрантов могут быть рассмотрены гастарбайтеры, выбирающие челночные стратегии. На новом месте жительства они образуют новые социальные сети, при этом продолжают функционировать в социальных сетях отправляющего сообщества.

Идея транснациональных миграционных циркуляций³, казалось бы, была новым теоретическим вкладом конца 1980-х и начала 1990-х годов, но, на наш взгляд, при ближайшем рассмотрении она представляет собой перенос и переосмысление идей, связанных с исследованиями внутренних миграций в развивающихся странах, на исследования международных перемещений. Например, исследования в южной части Центральной Африки в 1960-х годах продемонстрировали, что миграция там носила скорее циркулирующей, а не однонаправленный характер (см. Chapman, Prothero 1985: 3–6). Голдштейн, исследовавший внутреннюю миграцию в Малайзии, назвал наблюдаемый феномен маятниковой миграцией (*oszillation*⁴, Goldstein 1985: 390). Результатом таких перемещений стал эффект стирания границы между сельским и городским образом жизни. Общая идея этих исследований состояла в том, что динамическая концепция би- или мультилокальности должна быть сформулирована таким образом, чтобы представлять миграцию как проект расширения пространства деятельности акторов, а не как простой переход из пункта А в пункт В. Следовательно, само миграционное пространство, открытое или создаваемое между местами жительства (или местами, где человек часто присутствует), превращается в один из главных исследовательских интересов.

Немецкий исследователь Людвиг Прис предложил категорию «транснационального социального пространства» (Pries 1996). По мнению Приса, появление сложных и непрерывных потоков людей, товаров и информации, вызванных глобализационными процессами, маркировало начало новой эры миграции. Социальные сети мигрантов интегрируют уже делокализованные и диффузные пространства вопреки государственным границам, фрагментируют национальную идентичность людей, структурируют их жизненные пути и трудовые карьеры. Существование таких транснациональных социальных пространств разрушает традиционные формы миграции. В частности, с повестки дня снимается «дилемма мигранта» – интеграция vs. новые этнические меньшинства. Новая концепция миграции позволяет отказаться от объяснительной схемы, исчерпывающейся такой бинарной оппозицией. Как показывают исследования, зачастую мигранты вовсе не ориентированы на интеграцию, а этнические меньшинства образуются из местной элиты, но не из рядов вновь прибывающих переселенцев. Трансмигранты, одновременно «проживающие» и в отправляющем, и в принимающем сообществах, создают транснациональные социальные пространства.

Транснационализм в «ореховой скорлупе»: исследование границ

С начала 1990-х годов исследования государственных границ становятся необыкновенно популярными. Основные причины этого связываются, прежде всего, с «открытием» границ, относительно свободным их пересечением не только людьми, но и товарами, капиталами и информацией. И этот процесс значительно меняет смыслы, приписываемые государственным границам. Сегодня граница означает в меньшей степени ограничение, это момент встречи, сотрудничества, соседства. Исследовательский интерес к границам был также спровоцирован дискуссией о постколониализме, во многом вызванной послевоенными и постсоветскими процессами переопределения национальных идентичностей. Актуализация исследований границ, в свою очередь, привлекла внимание к некоторым важным моментам в дебатах о транснациональных потоках.

В современном мире государственные границы выступают в качестве медиатора, и в этом смысле «промежуточное состояние понимается как преимущество приграничья» (см. Flynn 1997: 312). Будучи перифериями национальных государств, приграничные территории, благодаря своему промежуточному положению, уже выступают в качестве «центров развития». Подобная смена статусов и смыслов приграничья в определенной степени производит детерриториализацию: социальные образования, формируемые в рамках национальных государств, накладываются на экономические, политические, этнические периферии соседнего государства, что фактически разрушает идею о «полном совпадении территориальных границ и границ распространения определенной национальной идеи» (Nagata 1994: 63).

³ См. например Portes, Bach 1985.

⁴ Oszillation – (нем.) колебание, вибрация.

Мартинес, исследующий мексикано-американское приграничье, отмечает, что в таких районах развиваются особые «приграничные милье» (Martinez 1994: 10), формирующиеся благодаря трансграничным социальным сетям и сильным трансграничным социальным и экономическим связям (торговля, туризм, обмен информацией, культурные и образовательные обмены и пр.). Несмотря на то, что оба государства (США и Мексика) остаются заметными и сильными игроками в транснациональных *союзах*, «две системы смешались, чтобы произвести порядок, который существенно отличается от структур двух родительских сообществ, и жизненные стили населения приграничья значительно отличаются от жизненных стилей жителей центральных регионов» (Там же: 304).

Во многих концепциях трансмиграций, фокусирующихся на феномене границ, подчеркивается постепенная утрата жителями приграничных регионов национальной идентичности и лояльности к одному государству. Арреола и Куртис (Arreola and Curtis 1996: 238), анализируя ситуацию на границе США и Мексики, обнаружили, что в приграничье формируются особые туристические ландшафты, которые сознательно сориентированы «в противоположном направлении». Так, чтобы оправдать ожидания туристов, в мексиканских приграничных регионах создается представление о Мексике как об особом пространстве реальности, фантазий, историй и мифов, которое ориентировано вовне, но не непосредственно на свою страну. Более того, Р. Росалдо даже пишет о феномене «приграничной истерии» на границе Мексики и Соединенных Штатов – кризисе идентичности, вызванном жизнью в приграничье и спровоцированным огромной разницей в заработной плате и стоимости жизни (Rosaldo 1989: 28).

В некотором смысле Сассен (Sassen 1996) вступает в дискуссию с Росалдо, также исходя из исследований американо-мексиканской границы, но уже на макроаналитическом уровне. Согласно Сассен, приграничные миграции вызваны не только бедностью, перенаселением и экономической стагнацией отправляющей страны. По ее мнению, в Соединенные Штаты в больших масштабах прибывают мигранты из регионов, достигших достаточно высокого уровня развития, в частности из Мексики, Карибского бассейна, южной и юго-восточной Азии. Сассен указывает на тот факт, что «отправителями» являются те же страны, которые экономически поддерживались Соединенными Штатами посредством программы FDI (Прямых иностранных инвестиций). Исследователь доказывает, что программа FDI способствует развитию двух процессов, стимулирующих транснациональные миграции. Прежде всего, инвестиции в ориентируемые на экспорт отрасли промышленности в третьем мире разрушают традиционные трудовые структуры (например, широкомасштабное трудоустройство женщин спровоцировало безработицу среди мужчин, миграции из деревни в города, создание городской оплачиваемой рабочей силы и пр.), что приводит к свободной географической, социальной и политической мобилизации населения. Кроме того, увеличивающиеся масштабы иностранных товаров, капитала, технологий, услуг и продуктов культуры создают транснациональное пространство циркуляции рабочей силы. Таким образом интернационализация экономики страны, вероятно, мобилизует трудовую миграцию, что, по сути, является ранней стадией формирования международного рынка труда⁵.

Исследования границ африканских государств развиваются несколько в ином направлении. Здесь акценты связаны не с современными взаимовлияниями и циркуляциями, а с историческими и этническими взаимозависимостями, нарушенными европейским колониальным порционированием пространства, но в большинстве случаев в реальной жизни людей никогда не ослабевавшими. Исследование африканских феноменов миграции показало, что некоторые этнические группы, будучи фактически разделенными национальными границами, идентифицируют себя как единое целое и в повседневной жизни игнорируют существующие политические границы (см. например Adefuye 1985, Asiwaju 1985).

Хотя исследователи границ используют разную терминологию, их позиции близки друг к другу и в логике, и в исследовательских результатах. Некоторые различия в выборе терминов и категорий связаны с выбранной единицей анализа. Так, «трансграничная метрополия» Херцога и Лоренса фокусирует внимание на приграничных городах (Herzog & Lawrence 1996); исследование Родригеса о неконтролируемой миграции акцентирует иной аспект того же процесса транснационализации и фокусируется на позиции национального государства в баталиях за охрану своих границы (Rodriguez 1996). В то время как термины «транснационализм» или «транснациональность» используются в отношении самых разнообразных потоков или циркуляций через границы, термин «транслокальность», как мы увидим ниже, определен более точно.

Транслокальность

тели рабочего класса привлекают внимание ученых. Объектом исследовательского интереса стали профессионалы и эксперты, путешествующие по миру и живущие недолгое время в разных местах и культурах (среди прочих см.: Evers 1995, Sassen 1991). В том же русле Элброу пишет о космополитах (Albrow 1997). Эверс использует термин «транснациональная стратификация», чтобы указать на тот факт, что глобализация способствовала созданию страты людей (т.н. экспертов и специалистов) по всему миру, характеризуемых схожими интересами и высокими доходами.

Концепция транслокальности связывается, прежде всего, с именем Арджуна Аппадурай. Он определяет значение термина исходя из собственного понимания локальности, противопоставив его категории *socedstva* (*neighborhoods*⁶, Appadurai 1995). Аппадурай отмечает, что локальность воспроизводится и конструируется людьми прежде всего как структура чувствований, это не данная сущность в жизни людей. *Socedstva* же, напротив, являются реально переживаемыми формами социальной организации людей, в которых реализуется и проявляется локальность.

Национальное государство – одна из наиболее крупных социальных форм современности – во многом определяет и формирует *socedstva* в пределах своей территории. Современное национальное государство, понимаемое как проект по формированию *socedstv* из «стандартизированных граждан» с использованием скрытых дисциплинарных механизмов или откровенного насилия, все более и более сопротивляется производству *socedstv* самими локальными субъектами («строительство» снизу). В то же время целостность национальных государств ставится под угрозу возрастающим круговоротом людей, информации, товаров и имиджей. Аппадурай считает мобильность людей (в частности туристов, беженцев, трудовых мигрантов и т.д.) основанием для понимания природы конфликтов, возникающих между территориальным суверенитетом государств и новыми формами сообществ – «транслокальными диаспорами» (Appadurai 1995: 216). Электронные средства связи облегчают и поддерживают появление транслокальностей и, соответственно, виртуальные *socedstva*. Аппадурай пишет: «Проблемы культурного воспроизводства в глобализованном мире лишь отчасти поддаются описанию в терминах расы и класса, гендера и власти, хотя они, безусловно, вовлечены в это производство. Более существенный факт заключается в том, что производство локальности <...> сегодня исчезает, сопровождаясь противоречиями, дестабилизируется перемещениями людей и заменяется новыми видами виртуальных сообществ» (Appadurai 1995: 221).

Между тем Де Йонг (De Jong 1999) доказывает, что термин *socedstvo*, разрабатываемый Аппадурай, не может быть применен в отношении крупных социальных формаций (например этнических групп), чьи члены рассеяны по всему миру. Согласно его мнению, эти группы все еще могут называться сообществами или общинами, тем не менее они производят транслокальность. Де Йонг исследовал этническую группу йола (Jola) из Южного Сенегала, которая в течение последних десятилетий пережила сильную исходящую миграцию. Согласно его наблюдениям, обряд инициации, социальный смысл которого прежде всего был нацелен на воспроизводство отношений с соседними деревнями (и таким образом на воспроизводство локальности), постепенно изменился в связи с процессами исламизации региона и вследствие приспособления к «глобальным силам», одной из которых были денежные переводы мигрантов. В настоящее время обряд служит для того, чтобы воспроизводить сети и связи транслокального сообщества, то есть постоянно воссоздавать транслокальность как новую (размытую и рассеянную) социальную форму.

Заключение Итак, в данной статье были рассмотрены некоторые концепции и объяснительные схемы социальной трансформации современности – транснационализм и транслокальность, связанные с эффектами глобализации. В заключение работы нам представляется важным и необходимым определить некоторые «проблемные зоны», а также перспективы развития этих теорий.

Терминологическая неопределенность. Очевидно, что социология, ныне вершащая свой путь от традиционной «социологии национального государства» (Albrow 1997: 37) к глобализованной перспективе объяснения социальной реальности, должна несколько обострить и усилить свои аналитические инструменты. Безусловно, термины, используемые в представленных в данной работе концепциях, изменяются в соответствии с объектом и фокусом исследования. Так, миграционные исследования фокусируются на передвижениях людей и, следовательно, разрабатывают концепции «жизненных миров» и «транснациональных сообществ». Исследования границ акцентируют внимание на роли национальных государств в связи с их более заметным присутствием в приграничье. Макроориентированные подходы, анализирующие институты, организации или, скажем, глобальные города, подчеркивают важность, направления и эффекты культурных, информационных и прочих транснациональных потоков (Castells 1989). Однако совершенно очевидно, что в настоящий момент для объяснения изменяющихся социальных реалий в социологии не существует конвенциональных теоретических схем и концепций. Попытки построения новых теорий востребуют новую терминологию. В то же время понятно, что противоречивое и неопределенное использование новых категорий не облегчает дискуссию. Рассмотрим один пример. Миграционные исследования адаптировали фрейм транснационализма, который подразумевает, что мигранты рассматриваются прежде всего как представители одной нации даже в случае, если их деятельность переступает национальные пределы и, следовательно, делает их «трансмигрантами». Мы полагаем, что термин «транслокальность» в данном случае более адекватен для описания организации их

⁶ Возможны и другие переводы – *сопредельность, сообщества*. Здесь, по аналогии с термином *nationhood*, мы будем использовать термин *socedstvo*, который, безусловно, не слишком удачен, однако более адекватный перевод еще не был найден или предложен.

повседневной жизни. Трансмигранты перемещаются между двумя или более нациями, и если мы говорим о связанной с этими перемещениями трансформации их повседневности и структур чувствования, то использование термина «локальность» представляется более релевантным. В то же время термин «транснационализм» может быть использован более эффективно на макроаналитическом уровне, то есть для обозначения взаимосвязи между нациями, крупными организациями или социопространственными формациями, пересекающими границы.

Эффекты глобализации требуют от социальных теоретиков и исследователей расширения горизонтов и осознания «единства» мира. Людвиг Прис (Pries 1996: 449) критикует современную социальную науку за доминирующее в ней представление о глобальных социальных формациях. Представление это является не более чем академической экспансией «контейнерной теории общества» (ограниченной рамками национального государства) на представление о мировом сообществе. Мы, вслед за Присом, считаем, что теория должна стремиться осмыслить новые плюролокальные и транснациональные социальные отношения, которые пересекают традиционные монолокальные социальные пространства.

Теория без пространства. Некоторые концепции социальных наук не всегда вписывают анализируемые феномены в пространство. Подобное игнорирование пространственной компоненты социального зачастую является не только проявлением и следствием диалектического соотношения глобального и локального или универсального и специфического, но это также некоторое нежелание ученых прояснить, конкретизировать свои высказывания во времени и пространстве. За последние три десятилетия восприятие времени и пространства, безусловно, подверглось значительной трансформации. Несмотря на существование противоречивых мнений в отношении современного социального развития и связанных с ним изменений времени и пространства, теория должна стремиться более ясно определять свои рамки, вписываться в тот или иной пространственный уровень. Этот упрек особенно справедлив для небольших исследований (например миграции), авторы которых предлагают приложить свои результаты к схожим ситуациям по всему миру без учета исторических, политических, религиозных или культурных контекстуальных различий.

Национальное государство. В таком же состоянии терминологической неопределенности находится и другая теоретическая перспектива, связанная с трансформациями современного национального государства. Глобализация имеет детерриториализационные эффекты, однако, как отмечают многие ученые (например Sassen 1991), действия людей все еще материализуются в пространстве. С одной стороны, пространство все еще занято, структурировано национальными государствами. С другой стороны, функции и значение современного национального государства в условиях глобализации значительно изменяются. В этой связи фактическая роль, функции и значение (пост)современного национального государства выступают в качестве одной из наиболее животрепещущих тем в академической дискуссии. Саския Сассен доказывает, что национальные государства являются инструментальными агентами глобализации и что некоторые из их функций даже возросли в своем значении (например, фискальная политика). В то же время Аппадурай аргументирует обратное и подчеркивает ограниченный характер национального государства как коллективного проекта (Appadurai 1993).

Очевидно, что каждый из этих тезисов имеет право на существование. Так, далеко не каждое современное национальное государство в одинаковой степени предрасположено к интернационализации все большего числа сфер человеческой деятельности. Во многих частях мира государства находятся в процессе национального строительства. Одновременно с этим в других регионах идет добровольная, хотя и небесконфликтная, денационализация – происходит интеграция в социальные формации более высокого уровня.

Глобальные силы воздействуют на государства разными способами и в различной степени. Национальные государства, испытывающие мощный приток мигрантов, вероятно, вынуждены с особой тщательностью контролировать свои территории (например, посредством селективной миграционной политики); экономически успешные государства более активно стимулируют транснациональные обмены, нежели страны, экономически несостоятельные на глобальных рынках. Таким образом, пока еще не существует единого теоретического решения проблемы в ситуации, когда каждое национальное государство реагирует по-разному на свое (воображаемое или фактическое) положение в глобализованном мире. В этой связи, мы полагаем, было бы полезно более внимательно рассматривать отдельные государства и их роль в каждом конкретном случае.

Библиография

- ☑ **Adefuye A.** The Kakwa of Uganda and the Sudan: The Ethnic Factor in National and International Politics // Anthony I. Asiwaju (ed.): Partitioned Africans. Ethnic Relations across Africa's International Boundaries 1884-1984. Lagos: University of Lagos Press, 1985. P. 51-69.
- ☑ **Albrow M.** Travelling Beyond Local Cultures. Socioscapes in a Global City // John Eade (ed.): Living in the Global City. Globalization as a Local Process. London: Routledge, 1997. P. 37-55.
- ☑ **Appadurai A.** Patriotism and Its Futures // Public Culture. 1993. 5. P 411-429.
- ☑ **Appadurai A.** The Production of Locality // Richard Fardon (ed.): Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge. London: Routledge, 1995. P. 204-225.
- ☑ **Arreola D.D., Curtis J.R.** Tourist Landscapes // Oscar J. Martínez (ed.): U.S.-Mexico Borderlands. Historical and Contemporary Perspectives. Wilmington, Del.: SR Books (Jaguar Books on Latin America, 11), 1996: P. 236-243.
- ☑ **Asiwaju A.I.** (ed.) Partitioned Africans. Ethnic Relations across Africa's International Boundaries 1884-1984. Lagos: University of Lagos Press, 1985.
- ☑ **Bamyeh M.A.** Transnationalism. London: Sage (Current Sociology, 41, 3, Winter), 1993.
- ☑ **Castells M.** The Informational City. Oxford: Blackwell, 1989.
- ☑ **Chapman M., Prothero R.M.** (eds.). Circulation in Population Movement. Substance and Concepts from the Melanesian Case. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
- ☑ **De Jong F.** The Production of Translocality. Initiation in the Sacred Grove in Southern Senegal // Richard Fardon, Wim van Binsbergen, Rijk van Dijk (eds.): Modernity on a Shoestring. EIDOS, Leiden, 1999.
- ☑ **Evers H.-D.** Globalised Market Culture and Market Fundamentalism. EIDOS Conference on «Globalization, Development and the Making of Consumers: What are Collective Identities for?» The Hague 13-16 March 1997.
- ☑ **Evers H.-D.** Globale Märkte und soziale Transformation. University of Bielefeld, Sociology of Development Research Centre: Working Paper. 1995.No 234.
- ☑ **Featherstone M.** Undoing Culture. London: Sage, 1995.
- ☑ **Flynn D.K.** «We Are the Border»: Identity Exchange, and the State along the Benin-Nigeria Border // American Ethnologist. 1997. 24 (2). P. 311-330.
- ☑ **Giddens A.** The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- ☑ **Glick S.N., Bash L., Blanc-Szanton C.** (eds.). Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. N.Y.: Annals of the New York Academy of Sciences, 1992. Vol. 645.
- ☑ **Glick S.N., Fouron G.** «Everywhere We Go, We Are In Danger»: Ti Manno and the Emergence of a Haitian Transnational Identity // American Ethnologist. 1990. 17 (2). P. 329-347.
- ☑ **Goldstein S.** Circulation in South East Asia // Murray Chapman, R. Mansell Prothero (eds.). Circulation in Population Movement. Substance and Concepts from the Melanesian Case. London: Routledge and Kegan Paul, 1985. P. 377-406.
- ☑ **Hannerz U.** Transnational Connections. Culture, People, Places. London, New York: Routledge, 1996.
- ☑ **Harvey D.** The Condition of Postmodernity. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- ☑ **Herzog L.A.** Border Commuter Workers and Transfrontier Metropolitan Structures along the U.S.-Mexico Border // Oscar J. Martínez (ed.). U.S.-Mexico Borderlands: Historical and Contemporary Perspectives. Wilmington, Del.: SR Books (Jaguar Books on Latin America, 11), 1996. P. 176-189.
- ☑ **Martinez O.J.** Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tucson and London: The University of Arizona Press, 1994.
- ☑ **Nagata J.** How to be Islamic without Being an Islamic State. Contested Models of Development in Malaysia. // Ahmed Akbar, Hastings Donnan (eds.). Islam, Globalization and Postmodernity. London and New York: Routledge, 1994. P. 63-91.
- ☑ **Portes A., Bach R.** Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the United States. Berkeley: University of California Press, 1985.
- ☑ **Pries L.** Transnationale Soziale Räume. Theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko-USA // Zeitschrift für Soziologie. 1996. 25 (6). Dec. S. 456-472.
- ☑ **Pries L.** Die Neuschneidung des Verhältnisses von Sozialraum und Flächenraum. Das Beispiel transnationaler Migrationsräume // Plenum XIV: Territorium, Migration, Ethnizität, 1999. S. 437-452.
- ☑ **Robertson R.** Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.
- ☑ **Robertson R.** Glocalization: Time-space and Homogeneity-heterogeneity // Michael Featherstone, Scott Lash, Roland Robertson (eds.). Global Modernities. London: Sage, 1995. P. 23-44.
- ☑ **Rodriguez N.** The Battle for the Border: Notes on Autonomous Migration, Transnational Communities, and the State // Social Justice. 1996. 23 3 (65). Fall: 21-37.
- ☑ **Rosaldo R.** Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis. Boston: Beacon Press, 1989.
- ☑ **Rouse R.** 1996. Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism // David G. Gutiérrez (ed.). Between Two Worlds: Mexican Immigrants in the United States. Wilmington, Del.: SR Books (Jaguar Books on Latin America, 15), 1996. P. 247-263.
- ☑ **Sassen S.** U.S. Immigration Policy toward Mexico in a Global Economy // David G. Gutiérrez (ed.). Between Two Worlds: Mexican Immigrants in the United States. Wilmington, Del.: SR Books (Jaguar Books on Latin America, 15), 1996. P. 213-227.
- ☑ **Sassen S.** The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.
- ☑ **Брубейкер Р., Купер Ф.** За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61-115.